

Мое имя заполучило меня обратно. Сегодняшняя ночь станет первой, которую я проведу под домашним арестом, первой... Я уже сбилась со счета... Я не смела надеяться, что мне позволят вернуться, однако, когда настала последняя ночь, которую мне предстояло провести в тюрьме, я принялась искать поддержку в снотворном и строгих тюремных предписаниях, пытаясь найти в них тень стабильности. Тюремные стены давали мне иллюзию незыблемости и спокойствия. Вредная иллюзия. Сколько бы меня ни держали взаперти, удержать призраков прошлого все равно невозможно. Когда я вернусь домой, они последуют за мной.

На протяжении трех месяцев вынужденного безделья мне в промежутках между кошмарами снилась дорога домой. Во сне я видела, как под охраной выхожу из тюремного автофургона и направляюсь в дом, как провожу пальцами по пыли, скопившейся на столешнице полукруглого столика, подаренного нам на свадьбу, как беру в руки фотографию, сделанную в тот день, когда мы впервые сюда приехали... Я перебираю пальцами комок влажной почвы и смеюсь, глядя в объектив фотоаппарата. Мне бы хотелось настезь распахнуть окна спальни, слушать, как настойчиво кричит в вышине сарыч, и, всматриваясь в изрезанные оврагами холмы вдалеке, думать о том, как же так вышло. Я поверну краны и буду наблюдать за тем, как струйка воды исчезает в сифоне сточной трубы. Я не стану молиться, писать и работать на земле. В этом я была уверена.

Вот только в реальности все вышло по-другому. Под конец мной завладела прагматическая суета отъезда. Возможно, во всем виноваты нервы. Как только меня вывезли за ворота, во рту

стало необычно сухо, а кончики ногтей принялись скрестись друг о друга. Эту привычку я поборолла еще в детстве. Разглядеть что-либо вокруг, разумеется, было нельзя. Окна были затемнены. В своих фантазиях я представила себе, что под моим сиденьем лежит черный мешок, один из тех, что натягивают на головы насильников и педофилов. Его натянут мне на седеющие волосы и слезящиеся глаза. В таком мешке на голове, скрывающем преступнику лицо, тот выглядит еще более страшным. Поджидающие его выхода представители прессы довольствуются видом рук, душивших ребенка, и семенящих ног.

Мои ладони принадлежат святой или грешнице? Я принялась царапать ладони ногтями. Я надеялась добиться от них ответа.

Даже то, что меня отправляли домой, оказывается, зависело исключительно от воли судебных чиновников. Милое заявление. Если ты достаточно долго пребывала в тюрьме, то закон как бы получил свое и все могут считать себя удовлетворенными.

— Если мы согласимся на ускоренное судопроизводство, то быстро добьемся результата. Все, что они хотят, — гарантий, что с вашей стороны не будет исков за незаконное тюремное заключение. Тогда остаток срока вы проведете под домашним арестом. Сделка будет заключена.

Именно эти слова сказал мне адвокат. Я спросила у него, зачем это нужно государству. Мой адвокат принялся что-то рассказывать о переполненных тюрьмах, негативных отзывах, за сухе и научных изысканиях. Я перебила его и спросила, какая мне от всего этого польза.

— Вы вернетесь домой в Велл.

Таков был его ответ. Все просто.

* * *

Отрезок пути от женского крыла тюрьмы до ворот казался мучительно долгим и сопровождался бесконечным завыванием сирены. Продажа бензина по талонам, кажется, решила проблему заторов на дорогах в столице, вот только никто не отменил светофоры на перекрестках. Ощущения изменились, когда тюремный автофургон с неумолимой решимостью размеренно покотил по шоссе на север. Я так хорошо успела изучить в прошлом

эту дорогу, что, когда размеренное движение сменилось покачиванием и поворотами, я поняла: автофургон едет по холмистой местности, а оттуда — в долину. Дышать сразу же стало гораздо легче, а во рту похожий на наждачную бумагу язык увлажнила долгожданная слюна. Пятнадцать минут ушло на то, чтобы медленно взобраться по дороге, тянущейся мимо церкви Литтл-Леннисфорд. Через двадцать пять минут автофургон выехал на прямой участок дороги, идущий вдоль огороженных столбиками полей, на которых выращивался хмель. Последний шанс обогнать едущую впереди машину, как мы говаривали в прежние времена. Сорок минут — и крутой поворот направо возле фермы Мартина. Автофургон, дребезжа, катил по извилистой дороге. Мы неслись к вершине холма, к вершине мира. Затем последний поворот налево. Теперь вся в выбоинах дорога вела вниз, мимо неогороженных полей, принадлежащих мне, вела в Велл.

— Почти приехали.

Слова тюремного надзирателя были лишними.

Автофургон сильно трясло на ухабах. Удивительно, что никто не удосужился их засыпать. Впрочем, мы и сами ничего с ними так и не сделали. Все эти выбоины проделали потоки воды, а Велл гордился своими лужами так, словно это были награды. Мы остановились. Решетка поползла в сторону.

— Мы выйдем на пару минут. Надо все проверить. Как вы себя чувствуете?

Очень мило с их стороны интересоваться моим самочувствием, вот только я не знала, что мне ответить. Не могу же я заявить, что чувствую себя прекрасно, после того как меня привезли в мой печально известный рай в тюремном фургоне.

— Хорошо. Спасибо.

Я сидела не шевелясь. В глубине души я не до конца доверяла неожиданному повороту в моей судьбе. Беспочвенные страхи, навеянные старыми военными фильмами, пытались выдернуть резиновый коврик из-под моих скованных ног. Вот сейчас меня вытащат из фургона, отведут к моему любимому дубу и пристрелят. Мое тело упадет бесформенной массой на прошлогодние сухие желуди и овечьи экскременты. Солдаты конвоя выбрались наружу. Двери за ними с шумом захлопнулись.

— С трудом могу поверить, — произнес женский голос уроженки графства Бирмингем. — Все случилось так, как они писали на том веб-сайте.

— Да неужели? — произнес водитель.

По тому, какую музыку он выбирал во время поездки, я поняла, что водитель интуицией явно не блещет.

— Все здесь так, как и прежде, три года назад. Поля зеленеют. Когда ты видел такую буйно зеленеющую траву?

Значит, мои поля до сих пор зеленеют.

Новые голоса. Приветствия... излишне формальные. Заговорил мужчина, по голосу молодой:

— Пообщайтесь с местными. Они говорят, что все, написанное в газетах, — правда. Когда она здесь жила, шли дожди, когда ее арестовали, наступила засуха.

— Где *это* случилось? — спросил водитель.

— Там... в лесу...

— Я из тех, кто считает эту старуху не спасительницей, а ведьмой.

— Она еще очень даже ничего как для старой ведьмы, хотя это дела не меняет.

Они, судя по всему, переместились ближе к дому, поэтому я не смогла дослушать остаток разговора. Осознав, как же просторно снаружи фургона, я ощутила приступ удушья. Затем меня начало подташнивать.

«Не сейчас», — приказала я сама себе.

Никаких больше видений. Никаких больше утопленников. Капельки пота выступили на лбу. Я попыталась поднять руку, чтобы утереть пот, позабыв, что руки скованы. Меня тоже тянуло в глубину. Я не сумасшедшая. Я нагнула голову так, что она оказалась между колен. Нельзя падать в обморок. Постепенно темнота внутри фургона прояснилась, воды отступили, и я вновь стала самой собой. Послышались приближающиеся шаги по гравиевой дорожке. Задние двери распахнулись.

— Вот вы и дома, — сказала женщина. — Выходите.

Солнечный свет меня не ослепил. Линялая голубизна апрельского дня осветила убогую обстановку тюремного фургона. Так художник, смешивая краски на палитре, достигает эффекта се-

рости. Я попыталась подняться на ноги. Из-за низкой крыши пришлось пригнуться. Скованные руки я держала перед собой, словно собиралась молиться.

— Знаете что, — произнесла уроженка Бирмингема. — Садитесь-ка на край и вытяните руки вперед... Дом, милый дом! Надеюсь, кто-нибудь догадался все там у вас протереть. Когда я возвращаюсь вечером домой, большей радости для меня нет.

Женщина набрала код на кодовом замке, сковывающем мне руки и ноги.

Подошел водитель:

— Я бы на твоём месте не марал свои белые ручки в кухонной раковине.

— Я тебе вот что скажу: со всеми этими водомерами использование посудомоечной машины сейчас обходится в целое состояние, но впадать в хандру из-за этого не стоит. Так, по крайней мере, нам говорят. Мыть посуду — это почти то же самое, что принимать ванну. Во всяком случае, лучшей ванны я давно не принимала, — сказала женщина, а затем коснулась некрасивого браслета, висящего у меня на щиколотке ноги. — А это останется. Мы его называем домашней биркой.

Я сидела на краю фургона, словно ребенок. Ноги едва касались земли. Когда меня освободили от наручников, я первым делом растерла себе запястья, а затем, встав на ноги, сделала несколько неуверенных шагов. Передо мной каменный фасад дома высился непоколебимой твердыней. Вот он, мой духовный якорь. Я повернула голову и взглянула на мои поля, которые, то поднимаясь, то опускаясь, простирались передо мной. Живые изгороди, подобно линиям энергии земли, очерчивали их контуры. Леса, подобно бархату, темнели в долинах. Чья-то рука приоткрылась к моему локтю. Я стряхнула ее, но все же последовала за тюремной надзирательницей к двери. Я уже хотела сказать ей, что мы не пользовались парадным входом, предпочитая входить в дом через черный вход. В прошлом мы сбрасывали грязные ботинки на кафельном полу. Там над дождевиками на крючках вдоль стены когда-то висели удилища... Когда-то... Мы... я и Марк... я и мой бывший... парадный вход... задний вход... река... бывший муж... Пустые слова.